

На самом деле Гуань Сюнь отправился в судебное ведомство, уже полностью облачившись в парадное судейское одеяние для утренней аудиенции. Он до самой полуночи противостоял и допрашивал Вэй Луня, намереваясь сразу после этого поехать прямо ко двору.

Вот только произошло одно непредвиденное обстоятельство.

Вэй Лунь по-прежнему не проронил ни слова. С тех пор как его бросили в тюрьму, он не вымолвил ни единого звука, ни с кем не заговорил и уж тем более не просил о пощаде, проявив ещё большую стойкость и непреклонность, чем Хун Ай.

Гуань Сюнь не проявил ни капли милосердия. Он твёрдо прекрасно знал, что не должен выказывать благосклонность ни одной из сторон, иначе как он сможет смотреть в глаза священной воле покойного императора, учредившего судебное ведомство? Все жестокие пытки, через которые в своё время прошёл Хун Ай, Вэй Лунь испытал на себе в полной мере. Вот только тело Вэй Луня было слабее: когда Гуань Сюнь подошёл к камере, тот уже лежал без сознания.

Он велел тюремщикам поднять Вэй Луня, и на его голову вылили целое ведро ледяной воды. Вэй Лунь содрогнулся и с мучительной болью пришёл в себя.

- Господин Вэй, советую вам как можно скорее во всём сознаться. Иначе вы протянете здесь от силы ещё дня три, после чего и расстанетесь с жизнью. В эти неурожайные, голодные годы тела всех казнённых в тюрьме преступных министров отдают на съедение свирепым псам ведомства. Господин Вэй, вы занимаете почётный чин первого ранга и входите в число трёх гунов, вряд ли вам хочется сгинуть столь ужасным образом, - Гуань Сюнь заложил руки за спину, и его суровое, словно высеченное из камня лицо то проступало, то исчезало в неверных отсветах колеблющегося пламени факелов.

Вэй Лунь тяжело закашлялся и вдруг хрипло рассмеялся:

- Ха-ха-ха, благо! В этой императорской тюрьме всё хорошо, да вот только слишком душно и жарко. Столько дней не мог как следует помыться, а от этого ведра старику прямо полегчало. Глава судебного ведомства Гуань, этот старик просит тебя об одном одолжении...

Гуань Сюнь пристально посмотрел на него.

У Вэй Луня, растрёпанного, с окровавленными волосами и сплошь покрытого ранами, на лице не было и капли зверства или малодушия. Он по-прежнему сохранял величие и степенность, достойные государственного мужа, служившего двум поколениям императоров.

Вэй Лунь промолвил:

- Вылей на меня ещё ведро, ладно?

Гуань Сюнь опустил веки, резко развернулся и зашагал прочь.

Когда дверь камеры закрылась за ним, в узком коридоре раздался звук орудий пыток, хлещущих по человеческой плоти. Этот звук сам по себе был неописуемо жестоким, достаточным, чтобы у любого сжались челюсти и волосы встали дыбом, но Гуань Сюнь давно привык к нему. Это была самая важная и рутинная часть его жизни. Вид крови, истерзанной плоти и трупов уже давным-давно перестал его удивлять.

Поднимаясь выше по извилистым земляным ступеням, он видел, как вокруг становится всё

светлее и светлее.

Императорская тюрьма располагалась под землёй в переулке Лои. Зимой здесь стоял пробирающий до костей холод, а летом была невыносимая духота. Когда Гуань Сюнь уже подходил к выходу на улицу, в плотном парадном облачении, он уже весь взмок от пота. Он расстегнул ворот, застёгнутый до самого подбородка, и, запустив внутрь пальцы, с силой потянул ткань, чтобы хоть немного выпустить скопившийся жар.

- И впрямь жарища.

Гуань Сюнь поднял глаза и на его лбу от удивления прорезались две глубокие морщины. Цзян Ван сидел на корточках на самой верхней ступени, он находился против света, так что выражения его лица было не разглядеть. Впрочем, в этом и не было нужды: Гуань Сюнь и так по одной лишь выразительной интонации прекрасно понял его настрой.

- У нас ещё есть немного времени до утренней аудиенции. - Цзян Ван поднялся и медленно спустился к нему. Подойдя вплотную, он тонкими пальцами поправил его распахнутый ворот.

Стоило им оказаться так близко друг к другу, как Гуань Сюнь услышал, что дыхание Цзян Вана стало тяжёлым и прерывистым.

Цзян Ван, не отрывая взгляда от мужественного, полного суровой силы лица Гуань Сюня, медленно облизнул губы:

- Глава судебного ведомства, вы были так заняты в последнее время... Не нужно ли вашему подчинённому помочь вам снять жар?

У Гуань Сюня была маленькая комната отдыха в императорской тюрьме, где ничего не было, кроме жёсткого одеяла на полу. Гуань Сюнь никогда не был человеком, жадным до удовольствий: когда уставал, он садился прямо на пол и дремал какое-то время, а проснувшись, возвращался к допросам преступников.

Цзян Ван тоже изредка заглядывал туда.

Каждый раз, когда приходил Цзян Ван, он запирали дверь на засов. Тюремщики и без того не любили иметь дело с Гуань Сюнем, хотя вернее сказать, до смерти его боялись, поэтому сюда и так редко кто забредал.

Гуань Сюнь сидел, прислонившись к стене, с закрытыми глазами, а Цзян Ван время от времени поднимал голову, чтобы посмотреть на него, пытаясь найти какие-то чувства на его лице. Наконец, Гуань Сюнь тихонько простонал, прогнулся и излил всё напряжение, после чего оттолкнул Цзян Вана.

Гуань Сюнь встал, заново надел свои широкие штаны и затянул пояс.

Цзян Ван лежал на одеяле, его кадык дёргался, пока он проглатывал то, что дал ему Гуань Сюнь, даже облизывал остатки в уголке рта. Он до мельчайших деталей осмотрел статую, прямую фигуру Гуань Сюня и с усмешкой промолвил:

- Ты действительно бессердечный человек, во всех смыслах.

Гуань Сюнь даже не подумал возражать ему. Поправляя края рукавов, он лишь бесстрастно бросил:

- Ты прекрасно знаешь, что я не люблю запах «Порошка Фужун». Мне скоро на утреннюю аудиенцию ехать, а ты насквозь пропитал меня этим зловонием. Ты ведь нарочно это сделал?

Цзян Ван хихикнул:

- «Порошок Фужун» - хорошая вещь, Фэндянь, тебе нужно научиться получать удовольствие от жизни.

Гуань Сюнь больше не удостоил его вниманием и ушёл.

После ухода Гуань Сюня Цзян Ван взял в руки змеиный жетон. Он внимательно вглядывался в эту оживающую на глазах чёрную змею, сантиметр за сантиметром поглаживая её подушечками пальцев

Между тем, уже почти добравшись до Запретного города, Гуань Сюнь коснулся пояса и обнаружил, что змеиного жетона там нет.

В обычные дни этот знак отличия носил он сам или же Цзян Ван, в зависимости от того, кому предстояло выполнять особое поручение. Но сегодня, идя на аудиенцию во дворец, быть без него было абсолютно невыносимо. Но хуже всего было то, что он отчётливо помнил, что жетон неотлучно находился при нём последние несколько дней. Змеиный жетон, дарованный самим покойным императором, обладал колоссальной важностью и передавался из рук в руки уже трём поколениям глав судебного ведомства. Его потеря каралась смертной казнью. В последнее время на душе у Гуань Сюня и без того было беспокойно, поэтому он не расставался с жетоном даже во время сна. И надо же было такому случиться, чтобы он пропал именно сейчас!

- Стой! - крикнул кучеру Гуань Сюнь, резко отдернув занавеску повозки. - Разворачивайся! Назад в императорскую тюрьму!

Повозка Гуань Сюня бешено мчалась в направлении императорской тюрьмы. Под проливным дождём она пронеслась мимо человека в широкой бамбуковой шляпе-доули, но Гуань Сюнь в спешке не обратил на него внимания.

Цзян Ван поднял голову и дождевая вода, стекающая с полей его шляпы, почти застилала ему обзор. Он смотрел, как повозка Гуань Сюня поспешно исчезает в пелене проливного дождя. На его лице не было привычной мрачности, вместо этого оно было окутано завесой глубокой скорби.

Потоки дождя низвергались с небес сплошной стеной, и на улице не было ни души.

Он пришёл один к самому отдалённому входу в подземный водоток в городе Жунин, достал змеиный жетон из рукава и занёс его над самым зевом бушующего водостока.

Снизу, из подземных каналов, доносился яростный гул и грохот несущихся потоков. Трудно было даже вообразить, насколько стремительно там сейчас бесчинствовала вода. Стоит бросить жетон туда, и его унесёт напрямик в бескрайнее море. Ни одна живая душа больше никогда не сможет его отыскать.

«Фэндянь... О, Фэндянь... Прости меня. Я предал тебя»

Цзян Ван разжал пальцы.

Как только началась утренняя аудиенция, Чжансунь Яо сделал шаг вперёд и упомянул дело Хун Ая. Он выразил надежду на скорейшее наказание Хун Ая за измену родине и сговор с врагом, потребовав, согласно законам Великой Юй, казнить девять поколений его рода ради восстановления справедливости в Поднебесной.

Ли Цзюй величественно и нерушимо восседал на драконьем троне. Он холодно изрёк:

- Слова Чжансуна Шаофу совершенно верны. Однако, по сообщениям судебного ведомства, этот упрямец Вэй Лунь так и не признался в том, что подстрекал своего ученика Хун Ая к предательству. Это чистой воды халатность со стороны судебных чинов. На взгляд Нашего Величества, глава судебного ведомства Гуань занимает своё место, но совершенно не справляется со своими обязанностями. Ранее он умудрился допустить, чтобы Хун Ай покончил с собой прямо в камере, так ничего и не выдав. Теперь же, когда вина Вэй Луна очевидна, он до сих пор не вынес приговор, да вдобавок сегодня посмел внаглую проигнорировать утренний приём! Хм, должно быть, кичась тем, что в его руках находится змеиный жетон, пожалованный покойным императором, он и Нас ни во что не ставит! Сыма Се!

Се Фучэнь выступил вперёд:

- Старый слуга здесь!

- Глава судебного ведомства Гуань пропустил аудиенцию. Подавал ли он тебе прошение об отгуле?

- Ваш слуга не получал от главы судебного ведомства Гуаня никаких прошений.

- Вы только поглядите на это! Этот человек потерял всякий страх и стыд. Исчез, даже не удосужившись подать прошение! Сыма Се, запиши этот проступок на его счёт. Как можно держать на службе того, кто пренебрегает государственными устоями? Наш взгляд таков: на должность главы судебного ведомства пора подыскать другого человека.

Чжансунь Яо стоял, низко опустив голову, а на его губах затаилась едва заметная, торжествующая улыбка.

Ли Цзюй и Се Фучэнь открыто начали прибирать к рукам судебное ведомство. Если судебная власть тоже перейдёт в руки Ли Цзюя, то военная сила, тайный надзор, тюрьмы и принятие законов - всё окажется в его единоличном ведении. И тогда, даже если вдовствующая императрица Гэн сможет на какое-то время сдерживать его натиск, глобально повлиять на ситуацию она уже не сумеет.

Этот хитроумный расчёт казался императору безупречным.

Впрочем, подобный ход событий ни для Старшей Принцессы, ни для Цзычжо не стал неожиданностью.

Ещё прошлым вечером она вместе с министрами тайно собиралась в резиденции Хуайчэнь, чтобы обсудить повестку сегодняшней утренней аудиенции. Все прошения с требованиями импичмента Се Фучэня уже были поданы, однако со стороны Ли Цзюя не последовало никакой реакции.

- Ли Цзюй, скорее всего, даже не притронулся к ним, - сказала Ли Яньи. - Зная его характер, я

уверена: сейчас он считает, что победа у него в руках, и все его мысли заняты лишь тем, как прибрать к рукам судебное ведомство. Янь Чжэню явно недостаёт стратегического мышления, так что опасаться сейчас стоит Се Фучэня. Но каким бы умным не был Се Фучэнь, он всего лишь человек, и он физически не способен уследить за всем.

Вэй Тинсюй произнесла:

- То, что Ли Цзюй не читает прошения будет даже к лучшему. Эта вереница докладов лишь на первый взгляд направлена против Се Фучэня и касается дел шестилетней давности, но в действительности это обычный манёвр для отвлечения внимания. Если бы он или Се Фучэнь заглянули в них, они бы бросили все силы на то, чтобы нейтрализовать мнимую угрозу. Однако завтра дядя Чжансунь нанесёт настоящий удар, и его истинной целью на аудиенции по-прежнему останется дело Хун Ая.

- Ваше Величество, - Чжансунь Яо заговорил твёрдым, ровным голосом, полностью игнорируя то, как Ли Цзюй и Се Фучэнь поочерёдно выражали недовольство судебным ведомством. Он упорно возвращал разговор к делу Хун Ая. - Ваш старый слуга начинал службу в одно время с господином Вэем, и за те тридцать с лишним лет, что я преданно служу Великой Юй, мне как никому другому известен его характер. Господин Вэй ни за что бы не пошёл на сговор с врагом и предательство родины. Когда гнездо переворачивается, то не остаётся целых яиц: если Великая Юй падёт, какая выгода от этого будет самому государству или роду Вэй? В измене нет ни малейшей пользы - это во-первых. Во-вторых, всему двору прекрасно известно: хотя Хун Ай и был когда-то учеником господина Вэя, они давным-давно разорвали всякие отношения и между ними пролегла глубокая вражда. Как при столь натянутых отношениях Хун Ай мог быть использован господином Вэем?

«Ли Цзюй, скорее всего, возразит, что чужая душа - потёмки, и никто не может знать наверняка, что происходило между ними за закрытыми дверями, - предугадывала накануне Вэй Тинсюй. - Скажет что-то вроде: Разве хоть один предатель станет писать у себя на лбу, что он замышляет измену?»

Ли Цзюй холодно усмехнулся:

- Нам известно, что Чжансуня Шаофу и Вэй Луня связывают узы глубокой дружбы. Поговаривают, ваши семьи даже заключили брачный договор. Вот только если вина Вэй Луня будет неопровержимо доказана, интересно, состоится ли эта свадьба? Хм, пускать пыль в глаза горазд каждый. По-твоему, глядя на Хун Ая, можно было сказать, что он продаст родину? Какая выгода была ему от предательства Великой Юй и открытия врат вражеским войскам? В конечном счёте, разве всё не сводится к жажде славы и богатства? Сколько людей завистливыми глазами смотрят на Наш императорский трон! Они спят и видят, как бы узурпировать власть! Как бы поднять мятеж! Как бы самим стать Сынами Неба! Скажешь, мало таких? И что, разве они пишут слово «мятеж» у себя на лбу?

Чжансунь Яо стоял с низко опущенной головой. Ли Цзюй, высказав всё это, почувствовал себя гораздо увереннее. Он выжидающе смотрел на Чжансунь Яо, желая услышать, что тот сможет возразить.

- Слова Вашего Величества совершенно верны, - к великому изумлению императора, Чжансунь Яо без колебаний согласился с его словами.

В сердце Ли Цзюя закралась тревога, и он растерянно посмотрел на Се Фучэня. Однако Се

Фучэнь вёл себя так, словно ничего не слышал и не видел, сохраняя невозмутимое выражение лица.

«И вот тогда, – Вэй Тинсуй, сидевшая в своём кресле, слегка наклонилась вперёд, а её глаза блеснули леденящим огнём, – дядя Чжансунь сможет нанести решающий удар».

– Слова Вашего Величества абсолютно верны: тот, кто замышляет мятеж, никогда не станет писать об этом на лбу, а предпочтёт оставаться в тени, тайно руководя всем процессом. Ваше Величество, доводилось ли Вам лично читать изменнические письма Хун Ая?

– Разумеется, – ответил Ли Цзюй.

– В таком случае, – твёрдо произнёс Чжансунь Яо, – вина Сыма Се в государственной измене может считаться доказанной.

От этих слов Чжансунь Яо глаза Ли Цзюя округлились от шока, а по зале Тайцзи мгновенно прокатился ропот ошеломлённых министров.

– Ты! Да как ты смеешь! – в ярости воскликнул Ли Цзюй. – Чжансунь Яо! Ты намеренно вводишь всех в заблуждение и возводишь напраслину! За кого ты нас принимаешь?! Что за злой умысел ты скрываешь?!

И лишь теперь Се Фучэнь, доселе стоявший неподвижно, словно каменное изваяние, слегка шевельнулся. Он перевёл тяжёлый взгляд на невозмутимого Чжансунь Яо, желая услышать, чем тот обоснует своё дерзкое заявление.

– Ваше Величество, ваш старый слуга вовсе не пытается возвести напраслину, – спокойно ответил Чжансунь Яо. – В тех изменнических письмах чёрным по белому прописана вина Сыма Се.

– В этих письмах предельно ясно сказано, что именно Вэй Лунь подговорил своего ученика Хун Ая выкрасть секретные сведения Великой Юй и вступить в сговор с государством Чунцзинь! При чём здесь вообще Сыма Се?!

Все присутствующие в зале устремили взгляды на Вэй Тинсуй, ожидая, что она продолжит объяснение, однако та уступила возможность проявить себя Чжэнь Вэньцзюнь:

– Сестрица Вэньцзюнь, будь добра, развеяй сомнения почтенной публики.

Чжэнь Вэньцзюнь, всё это время стоявшая за спиной Вэй Тинсуй, ничуть не ступевалась и заговорила ровным, плавным голосом:

– Хун Ай посредством кровавого письма оклеветал господина Вэя, однако в тех посланиях госпожа задолго до этого заложила скрытый план для сокрушительного контрудара. Из двадцати шести перехваченных писем в двенадцати упоминается застава Бэйгуань. Там сказано, что едва войска государства Чунцзинь подступят к заставе Бэйгуань, ворота будут немедленно распахнуты, и вражеская армия сможет беспрепятственно хлынуть на юг, напрямик к Жунину. Эти строки были начертаны на языке государства Чунцзинь. Ли Цзюй и Се Фучэнь вряд ли стали бы усердно вчитываться и сличать текст, мне же пришлось за деньги нанять одного торговавшего в Жунине чужеземца-ху, который понимал язык Чунцзинь. Только расспросив его, я сумела разгадать истинный смысл написанного.

- Застава Бэйгуань... - задумчиво произнёс один из советников Ли Яньи. - Но разве это не бывшая застава Цяньхай?

- Именно так, - подтвердила Чжэнь Вэньцзюнь. - Командует обороной заставой Цяньхай не кто иной, как сын Се Фучэня - Се Чанлю. Если они хотят осудить господина Вэя, им придётся признать подлинность писем об измене. Но стоит им это сделать, как станет очевидно: командующий заставой Цяньхай уже подкуплен врагом. И как теперь прикажете поступать Се Фучэню и Ли Цзюю: признавать это или отпираться? Если признают, то Се Чанлю автоматически становится соучастником предательства. Если не признают, то написанное кровью послание Хун Ая окажется чистой воды клеветой, и обвинение в измене снова падёт на голову Фэн Куня. Но самое фатальное для них другое: застава Цяньхай - это северный проход в земли Мэнлянь, и то, что Се Фучэнь тайно разместил там свои войска, стало их самой роковой ошибкой. Даже если они решат замять дело об измене, тайный сбор войск приравнивается к вооружённому мятежу. И за это вся их родня до единого лишится голов.

Когда Чжэнь Вэньцзюнь закончила говорить, присутствующие в зале советники не смогли сдержать восхищённого удивления. Ли Яньи со страшным любопытством обратилась к Вэй Тинской:

- Цзычжо, а когда именно ты прознала о том, что Ли Цзюй приказал Се Фучэню тайно собирать войска на севере? Письма, которые нашли при обыске в доме Хун Ая, ты подготовила ещё до своего отъезда в Мэнлянь. Неужели ты уже тогда знала об их планах по стягиванию войск?

- На самом деле, это было чистой воды предположением Цзычжо, - ответила Вэй Тинской. - Я прекрасно понимала, насколько Се Фучэнь умен и расчётлив. Он ни за что бы не позволил нам так легко сокрушить Фэн Куня и непременно попытался бы нанести ответный удар. Единственным же человеком, которого можно было хоть как-то связать с Хун Аем, оставался мой отец. Раз уж они решили оклеветать моего отца, я сделала так, чтобы весь род Се отправился на плаху вместе с ним. А вот о тайном сборе войск я узнала только после того, как прибыла в Мэнлянь - это поистине щедрый дар самих небес! Ли Цзюй стягивал армию на севере, чтобы не привлекать лишнего внимания, но теперь эта самая армия превратилась в гильотину, зависшую над головой Се Фучэня. Если Ли Цзюй захочет спасти Се Фучэня, ему придётся отречься от войск, которые он с таким трудом собирал. Если же он выберет армию, то собственноручно переломает себе ноги. Что для него важнее - пускай решает сам.

По всем четырём углам дворца Тайцзи были расставлены огромные медные чаши, доверху наполненные колотым льдом. Слуги непрестанно гнали веерами прохладный воздух в самый центр зала, однако Ли Цзюй всё равно изнывал от жары, и пот катился с него градом.

После этих речей Чжансунь Яо он решительно не знал, что возразить.

Застава Цяньхай?! Тайный сбор войск?! Кому, чёрт возьми, вообще пришло в голову увязать эти две вещи воедино?! Сыма Се! Почему ты молчишь?! Почему не пытаешься оправдаться?!

Даже Чжансунь Яо с некоторым любопытством покосился на Се Фучэня. Но тот по-прежнему оставался неподвижен, словно всё, в чём его только что обвинил Чжансунь Яо, не имело к нему ни малейшего отношения.

Таких людей Чжансунь Яо ненавидел больше всего.

Ты уверен, что нанёс удар в самое уязвимое место, а противник в ответ не выказывает ни малейших признаков боли, заставляя тебя сомневаться: а туда ли ты вообще целился?

Змеиный жетон выскользнул из разжатой ладони Цзян Вана и полетел напрямик в зев водостока.

Цзян Ван, не моргая, провожал глазами улетающий в чёрную бездну символ власти. Он прекрасно отдавал себе отчёт в том, что творит. Этот поступок вполне мог не просто разрушить карьеру Гуань Сюня, но и загнать его в смертельную ловушку, откуда нет выхода. И всё же у него не было иного пути. Он обязан был пойти на это.

В мгновение, когда жетон уже влетал в проём водостока, следом за ним туда же бросился какой-то силуэт.

Цзян Ван обомлел, решив, что у него помутилось в глазах, однако последовавший из глубины тяжёлый всплеск воды доказал обратное: ему не показалось.

Он тут же упал ничком у самого края люка и заглянул внутрь. В крошечной тьме подземного канала ничего невозможно было разглядеть, слышался лишь яростный рёв несущегося потока.

Кто это был?!

Неужели этот безумец не понимает, насколько глубока и стремительна вода в стоках после такого ливня? Броситься туда вот так, очертя голову – это же верная смерть!

Вдруг издалека послышались чьи-то приближающиеся шаги. Цзян Ван мгновенно вскочил, пониже натянул шляпу и поспешно скрылся в пелене дождя.

Чжэнь Вэньцзюнь неистовым течением волокло с такой силой, что она не могла даже перевернуться. В крошечной тьме подземного канала ничего не было видно, она полностью потеряла ориентацию и не понимала, где верх, а где низ. Лёгкие уже были готовы разорваться от нехватки воздуха, ей нужно было во что бы то ни стало пробиться к поверхности и сделать глоток воздуха, иначе она обязательно здесь погибнет!

Внезапно её ступня с силой обо что-то ударилась. Боль была такой резкой, что слёзы брызнули из глаз, тут же смешавшись с грязной водой. Следом произошёл ещё один удар – на этот раз пришёлся по лодыжке другой ноги. Однако именно благодаря этому столкновению она смогла сориентироваться, догадавшись, что натывается на выступы в местах стыков водопроводных труб. Рассчитав время до следующего неизбежного удара, она поджала ноги и в самый последний момент мощно оттолкнулась от препятствия. Этот толчок выбросил её тело вверх, и она с шумом вынырнула на поверхность.

Оказавшись вверху, Чжэнь Вэньцзюнь запрокинула голову к невидимому во тьме своду канала и принялась жадно, захлёб хватать ртом воздух. Бурный поток всё так же стремительно тащил её за собой, швыряя и раскачивая из стороны в сторону, не давая обрести хоть какое-то равновесие.

Прокашлявшись, она постепенно приспособилась к темноте подземного канала. Перед глазами начали смутно проступать проносящиеся мимо кольцеобразные тени. Если бы ей удалось уцепиться за одну из них, появился бы шанс хоть немного перевести дух.

Зажав Змеиный жетон в зубах, Чжэнь Вэньцзюнь вытянула руки вперёд и изо всех сил попыталась ухватиться за тёмный выступ. Пальцы скользнули по осклизлому камню и яростный поток тут же швырнул её прочь. Стиснув зубы, она принялась отчаянно выгребать против течения. Как только впереди показался следующий каменный выступ, она повисла на нём, намертво обхватив его согнутыми в локтях руками.

Вода с грохотом обрушивалась на её тело. Чжэнь Вэньцзюнь казалось, что от этих ударов все её внутренности вот-вот превратятся в месиво. Превозмогая дикую боль, она отчаянно перебирала ногами в бурлящей пене, пока наконец её ступня не упёрлась во что-то твёрдое. Нашупав опору, она потянулась ногами вверх: где-то на уровне пояса угадывался пологий уступ, на который можно было взобраться.

Чжэнь Вэньцзюнь предприняла несколько попыток. В тот самый миг, когда ей уже казалось, что поясница сейчас переломится пополам, ей всё-таки удалось закинуть ногу наверх. Сделав резкий рывок, она перевалилась и плашмя рухнула на каменную площадку.

Это укрытие оказалось совсем крошечным - скользкий каменный выступ, шедший по дуге вдоль стены. Но даже этого узкого пространства Чжэнь Вэньцзюнь хватило, чтобы наконец перевести дух.

Крепко прижимая к груди Змеиный жетон, обессиленная до предела Чжэнь Вэньцзюнь растянулась на камнях, жадно хватая ртом воздух. Хлёсткие волны то и дело окатывали её с ног до головы, но главное было сделано и жетон находился у неё в руках, задание было выполнено безупречно.

Вот только...

Чжэнь Вэньцзюнь со страхом огляделась по сторонам.

Как, чёрт возьми, ей теперь выбираться из этого склепа?

Цзян Ван сплюнул на залитую дождём землю сгусток крови вместе с двумя выбитыми зубами.

Сяохуа ловко и быстро скрутила его путами. Цзян Ван даже не пытался сопротивляться, безропотно позволяя ей связать себя.

- А у этой барышни удар на редкость увесистый, - получив такую затрещину, Цзян Ван сразу понял, что против Сяохуа ему не выстоять. Тем более что она пришла не одна: рядом стоял человек с гибким клинком в руках. Судя по всему, ещё один высококлассный мастер боевых искусств.

Конечно, окончательно отбило у Цзян Вана всякое желание сопротивляться вовсе не это. Главным было то, что прямо перед ним стоял сам Гуань Сюнь.

Гуань Сюнь пришёл без зонта или плаща, позволяя потокам ливня нещадно хлестать себя по телу. Он рывком вздёрнул Цзян Вана на ноги и сухо спросил:

- Это ты украл змеиный жетон?

Цзян Ван не стал отвечать. Вместо этого он упрямо вытянул шею и звонко поцеловал его в губы.

Лицо Гуань Сюня исказилось от ярости, и он нанёс Цзян Вану мощнейший, сокрушительный

удар кулаком прямо в челюсть. Цзян Ван рухнул навзничь, с ног до головы измазавшись в жидкой грязи.

- Ты хотел убить меня? Хотел уничтожить мудебное ведомство?! - Гуань Сюнь снова рывком вздёнул его с земли. Высокая чиновничья шляпа Цзян Вана отлетела на несколько шагов в сторону, официальное одеяние перекошилось и порвалось, а сочившаяся изо рта кровь окрасила подбородок в багровый цвет. И всё же он продолжал улыбаться, вновь упрямо вытягивая шею в попытке поцеловать его. Гуань Сюнь с глубоким отвращением толкнул его обратно в грязь.

- Я ужасным образом ошибся в тебе. Ты не тот человек, которому можно доверить важное дело.

Цзян Ван, распростёртый на земле, залился хриплым, клокочущим смехом:

- Ошибся? Ну конечно же я не тот человек, я никогда им и не был! Я же с самого начала говорил тебе, что пошёл в эти проклятые секретари судебного ведомства исключительно ради тебя, а ты, упрямец, всё не верил. Ну что, теперь-то поверил? Мне плевать на твои великие и благородные цели. Мне просто хотелось быть рядом с тобой и время от времени лакомиться сочными кусочками с твоего стола. А теперь... что ж, мне наскучило. Я сыт по горло твоим вечно ледяным лицом и наконец уяснил: звонкое золото куда надёжнее и приятнее.

Вдруг Цзян Ван заметил, что позади двух девушек остановилась повозка. Плотный занавес экипажа приподнялся, и оттуда, одаривая его леденящими, презрительными взглядами, на него смотрели Ли Яньи и Вэй Тинсюй.

- Се Фучэнь дал мне целую сотню цзиней чистейшего золота! - во всю глотку закричал Цзян Ван. - Подкупил меня, чтобы я выкрал змеиный жетон судебного ведомства! Стоило Гуань Сюню лишиться символа власти, как его дурная башка мигом полетела бы с плеч! А это проклятое ведомство закрылось бы навсегда! Ха-ха-ха-ха! Ну что, все вы меня слышали?!

Цзян Ван безудержно хохотал, запрокинув голову к грозовому небу. Гуань Сюнь даже не посмотрел в его сторону, лишь желваки бешено заходили на его резко почерневшем лице.

- Цзычжо, ты поистине зришь в корень. Предвидеть, что Се Фучэнь занесёт топор над судебным ведомством... - тихо произнесла Ли Яньи. - И всё же, Цзычжо, тебе не кажется, что этот Цзян Ван ведёт себя как-то странно?

- Про сотню цзиней золота он, разумеется, лжёт. Его вынудили пойти на это. Должно быть, Се Фучэнь нашёл какой-то рычаг давления и силой заставил его подчиниться, - бесстрастно отозвалась Вэй Тинсюй. - И теперь, независимо от того, раскрыли мы его или нет, он попросту разыгрывает эту заранее заготовленную ложь.

Ли Яньи погрузилась в молчаливые раздумья, и в её сердце шевельнулось смутное сострадание:

- Неужели он устроил этот фарс лишь ради того, чтобы Гуань Сюнь возненавидел его, оборвал все связи и вычеркнул из сердца? Ведь если между ними всё будет кончено, он перестанет быть уязвимым местом Гуань Сюня, и Се Фучэнь больше не сможет использовать его в своих грязных интригах.

Вэй Тинсюй, однако, осталась совершенно безучастна. На её лице не дрогнул ни один мускул.

Сяохуа была на целую голову выше Цзян Вана, так что вздёрнуть его на ноги для неё не составило ни малейшего труда. Линби приказала ему показывать дорогу к тому водостоку, куда прыгнула Чжэнь Вэньцзюнь. Эта сорвиголова носилась быстрее ветра: стоило на миг моргнуть, как её и след простыл. Все знали, что она побежала наперерез Цзян Вану, но никто и подумать не мог, что она самовольно ринется прямо в бушующий поток.

Цзян Ван привёл их к злополучному люку. Линби припала к самому краю и принялась изо всех сил звать Чжэнь Вэньцзюнь по имени, но сколько бы она ни кричала, из бездны никто не отзывался.

- Да не ори ты, - сплюнув очередную порцию крови, хрипло оборвал её Цзян Ван. - Сама погляди, какое тут сумасшедшее течение. Да будь ты хоть трижды лучшим пловцом в Поднебесной, эта бездна всё равно сожрёт тебя с потрохами.

- Заткнись, - грозно осадил его Линби.

Слова Цзян Вана были обращены к Линби и её спутнице, но его взгляд при этом был намертво прикован к стоявшему неподалёку Гуань Сюню.

- Кое-кто, знаете ли... просто физически не переносит горькую правду.

Линби продолжала истошно звать подругу. Она кричала до тех пор, пока её голос окончательно не сорвался и не сошёл на хрип, но Чжэнь Вэньцзюнь так и не отозвалась.

Все они прекрасно понимали, что неистовые потоки неудержимо неслись вперёд, и Вэньцзюнь никак не могла оставаться на одном месте. И всё же, цепляясь за призрачную надежду, они продолжали звать и покорно ждать у края бездны.

Прошёл один день, затем второй, а следом и третий...

Ливень всё так же яростно низвергался с небес стеной, но Чжэнь Вэньцзюнь так и не вернулась.

<http://bllate.org/book/17227/1721830>